

**Персуазивность в художественном тексте
(на материале сборника рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе»)**

Н. Г. Долженко

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
dng25101961@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена проблемам внутренней организации высказывания, способам выражения субъективных смыслов высказывания. Обозначенные вопросы в последнее время всё чаще поднимаются в работах по синтаксису и являются ключевыми при описании моделей предложений.

Цель: представление и описание грамматических средств выражения значений субъективной модальности, или персуазивности.

Материалы исследования: сборник рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе».

Результаты и научная новизна. Проведённый лингвистический анализ с элементами компонентного и статистического методов позволяют представить следующие результаты исследования:

1. Модальная оценка уверенности – неуверенности в сообщаемом, в другой терминологии, персуазивность или эпистемическая оценка проявляется на различных уровнях языка. Однако наиболее ярко она выражается синтаксическими средствами – вводными словами, представленными модальными словами с обозначенными значениями.

2. Рассматриваемые компоненты активно используются в художественном тексте Е. Д. Айпина.

3. Вводные слова с соответствующей модальностью – необходимый элемент рассматриваемых текстов. Посредством данных средств во многом создаётся общее настроение каждого рассказа и эссе, передаётся внутреннее смятение лирического героя.

Новизна работы определяется тем, что исследование проводится на материале текста известного хантыйского писателя Е. Д. Айпина, его сборника рассказов, который включает исключительно произведения, посвящённые глубоко личностным темам, где объективное содержание переплетается гармонично с субъективными, индивидуально-авторскими смыслами, окрашенными в интимно-авторские и национально-ментальные тона.

Ключевые слова: предложение, модальность, персуазивность, эпистемическая оценка, вводные слова.

Благодарности: автор статьи выражает благодарность рецензентам. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Субъекта РФ в рамках научного проекта № 18-412-860005.

Для цитирования: Долженко Н. Г. Персуазивность в художественном тексте (на материале сборника рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе») // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 614–622.

**Persuasiveness in a literary text (based on the material
of the collection of short stories by Ye. D. Aipin «River-in-January»)**

N. G. Dolzhenko

*Ugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
dng25101961@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the problems of internal organization of statements, ways of expression of subjective meanings of statements. These questions have recently been raised more often in the works on syntax and are key in the description of sentence models.

Objective: representation and description of grammatical means of expressing of the values of subjective modality, or persuasiveness.

Research materials: collection of stories by Ye. D. Aypin «River-in-January».

Results and novelty of the research: the linguistic analysis with the elements of component and statistical methods allows to present the following results:

1. Modal assessment of certainty – uncertainty in the text; in other terminology persuasiveness or epistemic assessment is manifested at various levels of language. However, the most clearly it expressed syntactic means – introductory words, represented in most of the modal words with designated values.

2. The components under consideration are actively used in the literary text of Ye. D. Aypin.

3. Introductory words with appropriate modality are the necessary elements of the texts under consideration. Through these means, the general mood of each story and essay is largely created, and the internal confusion of the lyrical hero is transmitted.

The novelty of the work is determined by the fact that the study is conducted on the material of the text of the famous Khanty writer Ye. D. Aypin, his collection of stories, which includes only works devoted to deeply personal themes, where the objective content is harmoniously intertwined with the subjective, individual author's meanings, with intimate author's and national-mental tones.

Key words: sentence modality, persuasively, epistemic evaluation, introductory words.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the reviewers. The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the Government of the region of the Russian Federation, Grant № 18-412-860005.

For citation: Dolzhenko N. G. Persuasiveness in a literary text (based on the material of the collection of short stories by Ye. D. Aypin «River-in-January») // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (4): 614–622.

Введение

Изучение субъективных смыслов высказывания – одна из актуальных задач синтаксической науки в последние десятилетия. Исследованию и описанию семантической структуры предложения, как известно, предшествовали работы выдающего учёного современности Н. Хомского [10] и других учёных, в частности Дж. Катца и Дж. Фодора [13], Дж. Катца и П. Постала [14]. Исследование объективного содержания, необходимого и достаточного для того, чтобы предложение состоялось как самостоятельная законченная единица, давно и успешно изучается в научных работах, стало объектом описания в современных учебниках. Субъективная линия, которая такой обязательностью не отличается и является индивидуальной и часто специфичной у отдельных авторов, – предоставляет широкое поле для подробного описания как семантической структуры конкретных синтаксических единиц – в первую очередь простого предложения, так и изучения индивидуального стиля определённого текста конкретного автора.

Высокая продуктивность исследуемого явления, с одной стороны, и, с другой стороны, недостаточная теоретическая разработка проблем внутренней организации высказывания, дискуссионность вопросов, связанных

с выражением объективного содержания и субъективных смыслов высказывания предопределяет актуальность представленной статьи.

Изучение объективного и субъективного в содержании высказывания (предложения) помогает глубже проникнуть как в механизм порождения высказывания, так и в его содержание. Как замечает В. А. Белошапкова, «особую актуальность приобрела мысль о том, что в содержании предложения соединены значения двух принципиально различных родов: объективные, отражающие действительность, и субъективные, отражающие отношение мыслящего субъекта к этой действительности» [9, 768].

Новизна работы определяется тем, что исследование проводится на материале текста известного хантыйского писателя Е. Д. Айпина, его сборника рассказов, который включает исключительно произведения, посвящённые глубоко личным темам, где объективное содержание переплетается гармонично с субъективными, индивидуально-авторскими смыслами, окрашенными в интимно-авторские и национально-ментальные тона.

Целью статьи является представление и описание грамматических средств выражения значений субъективной модальности, или персуазивности, в другой терминологии, в обозначенном сборнике рассказов, где они становятся важными и необходимыми элементами текста.

Задачи вытекают из поставленной цели:

1) собрать языковой материал, имеющий отношение к выражению субъективного содержания предложения;

2) посредством элементов компонентного анализа текста, статистического метода выделить наиболее употребляемые компоненты;

3) описать и классифицировать с позиций предложенных подходов и методов собранный языковой материал.

Результатом исследования являются выводы о системной организации как грамматической, так и семантической стороны русского предложения, в том числе системность в выражении внутренних субъективных смыслов. Данные смыслы связаны с конкретным содержанием художественного текста, с индивидуальностью авторского стиля, с гармоничным переплетением общечеловеческих, национальных и индивидуальных черт личности.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили предложения с вводными словами со значением уверенности – неуверенности, извлечённые из сборника рассказов Е. Д. Айпина «Рекка-в-Январе».

Методика выявления – сплошная выборка из художественного текста компонентов – носителей значения персуазивности. В статье используется контекстологический метод, метод стилистической оценки, элементы компонентного метода, методика статистического описания.

Результаты

Методологической базой статьи стали работы отечественных и зарубежных учёных. Весьма продуктивной представляется мысль Ш. Балли, который предложил для обозначения объективного содержания ввести термин диктум, а для «выражения позиции мыслящего субъекта по отношению к этому содержанию» [3, 43–48] – термин модус.

Обозначенные стороны высказывания (предложения) связывают с такими категориями, как модальность, персуазивность, эпистемическая оценка.

Структура предложения, с учётом исследований Ч. Филлмора [11; 12], может быть представлена в следующем виде (подробнее об этом см. [5, 50]):

Предложение – Модальность + Пропозиция, S - M + P.

В. В. Виноградов понимал модальность как категорию, выражающую отношение высказывания к действительности, в плане реальности (ирреальности). Также важна мысль о многоаспектности категории модальности, которая включает в себя объективно-модальное значение, субъективно-модальное значение и модальность предиката (частные модальные значения).

Известно, что модальное значение реальности (ирреальности) может быть представлено следующими способами: морфолого-синтаксическим – формы глагольного наклонения в прямом и переносном употреблении, интонационно-синтаксическим – модальная интонация (Лекция идёт. Лекция идёт?), лексико-синтаксическим – служебные слова с модальным значением. С помощью этих средств и формируется определённый модальный план.

Помимо значения объективной модальности, в предложении может быть выражен и второй модальный план – значения **субъективной модальности**. Данное значение представляет отношение самого говорящего / пишущего к высказыванию с позиции уверенности / неуверенности в том, о чём говорится в данном высказывании, то есть насколько сам говорящий / пишущий уверен в том, о чём он говорит / пишет. Субъективная модальность выражается модальными словами в функции вводных слов. Здесь принято выделять несколько групп с различными значениями. Первая из них включает компоненты со значением **субъективной модальности**, выражающие отношение говорящего к своему высказыванию с позиции его достоверности, оценку высказывания с точки зрения (см. об этом [6, 191–192]):

а) уверенности в том, о чём сообщается в предложении: модальные слова *конечно, разумеется, несомненно, очевидно, бесспорно, безусловно, действительно, правда, право, подлинно, несомненно, в самом деле, без сомнения (без всякого сомнения), само собой разумеется (само собой)* и др.: *Но главной силой, притягивающей тепло, были, конечно, пятки* [2, 38]; *Бежали босиком, конечно, все мальчишки* [2, 40]; *Несомненно, «Шератон» – лучший отель Рио-де-Жанейро* [2, 100]; *Правда, в последнее время всё же сомнения у него появились* [2, 61] или

б) неуверенности в сообщаемом, предположительности (возможности) того, о чём сооб-

щается: *наверное, кажется (казалось, казалось бы), вероятно, очевидно, видно, по-видимому, возможно, верно, пожалуй, знать, чай, в сущности, по сути, по существу, может быть, быть может, может статься, должно быть, по всей вероятности, надо полагать, надо думать, полагаю, надеюсь, надо полагать* и др.: *Что же, видно, судьба. Я ведь давно должен был погибнуть, а всё живу. Наверное, для того, чтобы вот с тобой встретиться* [2, 70]; *Точную дату, пожалуй, никто бы не назвал* [2, 77]; *Казалось, листовнично-елово-кедровый урман всё ближе и ближе надвигался с севера и юга, безжалостно сжимая с двух сторон реку и людей* [2, 46]; *Может быть, погрузившись в думы, он бродил по берегам Салыма, по сгнившему в небытие Сивохребту, где он увидел белый свет* [2, 93].

В. А. Белошапкина отмечает обязательные субъективные значения в содержании предложения. Таковыми являются: «1) предикативность, т. е. реальность – ирреальность и время; 2) целеустановка (вопросительность (вопросительность – невопросительность); 3) персуазивность, т. е. достоверность – недостоверность». При этом совершенно справедливо подчёркивается, что «грамматический строй русского языка принуждает говорящего оснастить всякое передаваемое грамматически оформленным предложением сообщение этими значениями; они раскрывают позицию говорящего по отношению к объективному содержанию предложения и составляют обязательный минимум субъективных (модусных) значений в содержании предложения» [9, 771].

Персуазивность – это оценка говорящим / пишущим своего высказывания с позиций *достоверности / недостоверности* данного высказывания, «выражение уверенного или неуверенного знания; ср. *дождь идёт. – Кажется, дождь идёт*» [9, 772].

В. А. Плунгян среди подобных оценочных значений выделяет эпистемическую оценку (эпистемическая модальность): «Эпистемическая оценка имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (как степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» [8, 311].

Данная статья посвящена исследованию выражения субъективной модальности, в той её части, которую определяют как обозначения уверенности–неуверенности, а также степени вероятности того, о чём сообщается в предложении

(выражение персуазивности или, в другой терминологии эпистемической оценки – эпистемической модальности).

В исследованиях отмечается, что «эпистемическая оценка имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» [8, 311]. Мы относим к эпистемической оценке в первую очередь всё-таки оценку вероятности события самим говорящим, так как правдивость или истинность высказывания – это оценка события другого уровня (в большей степени логического) и сам говорящий в данном случае субъектом оценки вряд ли может выступать в полной мере, без каких-либо специальных оговорок.

Отмечается, что «показатель «эпистемической неожиданности» имеет специальное название – адмиратив, он встречается в глагольных системах многих языков мира, в частности, в балканских языках (албанском, турецком, болгарском), где он впервые и был обнаружен» [8, 311].

На наш взгляд, персуазивность или эпистемическая оценка в русском языке имеет системное выражение. Обозначение данных оценок и их показатели мы встречаем на разных уровнях языка:

1) На лексическом уровне – лексико-семантическая группа **вероятности**, лексико-семантическая группа **достоверности** – **недостоверности** и др.: *возможный, возможность, возможно; вероятный, вероятность, вероятно; достоверный, достоверность, достоверно* и т.д., причём и с отрицательной коннотацией: *невозможно, невероятно, недостоверно* и т.д.

2) Данные словообразовательные цепочки представляют разные части речи, что является показателем *морфологического* уровня.

3) На уровне *морфологии* в русском языке принято выделять особую группу слов (не знаменательных и не служебных), которые, являясь переходными явлениями, нацелены на выражения именно уверенности – неуверенности в сообщаемом. Это так называемые **модальные слова**: *Кажется, помню всё, что ты говорила* [2, 12]. Отдельную группу для выражения оценки сообщаемого составляют **слова категории состояния** (так называемые **инстативы**): *можно, нельзя, надо, нужно, необходимо* и некоторые другие. Среди глагольных слов следует отметить **безличные глаголы** *следует*

(следовало, следовало бы), приходится (приходилось, приходилось бы), а также некоторые **глаголы-связки**: *кажется* (казалось, казалось бы), *представляется* (представлялось, представлялось бы).

Перечисленные средства проявляются и на разных синтаксических уровнях. Модальные слова в простом предложении выступают в роли **вводных слов**. Глагольные связки в составе непростых сказуемых выражают разного рода оценку говорящим того или иного признака, безличные глаголы составляют основу безличных односоставных предложений. Они же являются средством выражения оценки того, о чём говорится в придаточной части сложноподчинённого предложения с придаточной изъяснительно-объектной частью: *Казалось мне, что всё будет хорошо* [2, 12]. Ту же функцию выполняют и слова категории состояния: *Хорошо, что всё так закончилось* [2, 12].

Некоторые исследователи указывают и на другие средства:

«— модальные частицы (вряд ли, навряд ли, вроде, вроде бы, едва ли, что ли, как бы, якобы, будто, как будто, как бы) ...;

— повторяющиеся разделительные союзы со значением предположительности (или — или, не то — не то, то ли — то ли) ...;

на синтаксическом уровне:

— изъяснительные конструкции, в главной части которых заключён модус высказывания (можно сказать, что; хочется думать, что; не думаю, что; боюсь, что; надеюсь, что; ощущение, что; думаю, что; чувствую, что; уповаю на то, что и под.) ...

В качестве вспомогательных средств, усиливающих значение недостоверности, выступают неопределённые местоимения и местоименные наречия, изъяснительные союзы с соответствующей семантикой ...» [4, 1–2].

Системный разноуровневый характер персуазивности как языковой категории проявляется и в многочисленных случаях переходности. Ср.: *Это уникальное событие вполне вероятно* и *Это, вероятно, уникальное событие*: два простых предложения, в первом вероятно — краткая форма прилагательного, в предложении часть составного именного сказуемого; во втором — модальное слово в роли вводного. *Мне кажется это событие уникальным* и *Мне кажется, что это событие уникально*: первое предложение простое, кажется — глагол-связка

в составном именном сказуемом, второе предложение — сложное, кажется — главный компонент главного предложения в сложноподчинённом предложении.

На наш взгляд, наиболее глубоко значение уверенности — неуверенности в сообщаемом выражается грамматическими средствами, и синтаксическими — в первую очередь. Конкретные художественные тексты подтверждают данное положение.

Ярким примером такого текста является сборник рассказов Е. Д. Айпина «Река-в-Январе» [2]. В сборник вошли рассказы разных лет: 12 произведений с прологом и эпилогом из коротких двустушии, из 12 — 8 рассказов (в том числе рассказ фронтовика и рассказ Ивана Степановича Сопочина), 3 произведения с подзаголовком «Осенняя грусть» (2) и «Осенняя печаль» (1) и 1 эссе. Все эти литературные формы объединены общим настроением, в каждом личностное, даже интимное переживание, размышление, воспоминание, сбывшаяся и несбывшаяся мечта, робкие и смелые мысли о любви, счастье и жизни в целом. Многие эти вещи по сути баллады, романсы и сонеты в прозе.

Следует отметить, что литературное наследие писателя активно исследуется в науке. В частности, Е. В. Косинцева изучала особенности парижского текста в обозначенной книге «Река-в-Январе» [7]. Однако, как справедливо отмечается, «язык произведений писателя привлекает исследователей намного реже, чем литературные аспекты его творчества. А ведь именно языковые особенности, являющиеся составной частью идиостиля автора, представляют наиболее ярко его картину мира, его художественный метод» [1, 73].

В целом язык сборника соответствует необычному жанру. Интересным является синтаксис: преобладание осложнённых конструкций, активное употребление присоединительных, парцеллированных компонентов, уточняющих членов, однородных и обособленных членов, различных повторов и т.д.

Обращает на себя внимание изобилие именно вводных конструкций, которые как раз содержат чаще неуверенность автора: сложные чувства, задевающие самые тонкие струны души, переживания, которые живут глубоко в душе и о которых не принято делиться с каждым, вполне уместные в связи с этим сомнения

– всё это выражается не столько лексическими средствами, сколько перечисленными синтаксическими построениями. Именно они составляют в целом сложные синтаксические предложения, которые отражают сложность живой, мятущейся человеческой души.

Так, в первом произведении «Осень в твоём городе», жанрово охарактеризованном как *Осенняя грусть* употреблено 14 вводных слов, из них половина – модальные слова со значением *неуверенности*, например: *Ровное, всепроникающее тепло, Оно согревало меня, стены домов, деревья, камень ближайших дворцов и храмов. Казалось, всю землю и небо* [2, 14]; *Если в прозрачно-ясный и тихий вечер в укромном лесном закутке, пред разгорающейся вечерней зарёй, очень осторожно и нежно задеть отливающий живьём оранжевым огнём Небесный Купол, возможно, он издавал бы что-то подобное Твоему голосу...* [2, 12]; *Может быть, Ты сама Богиня?* [2, 14] и только один раз употреблено слово *конечно*: *А я слушал и смотрел. Конечно же, больше смотрел на Тебя, нежели на достопримечательности города* [2, 13].

В рамках небольшого рассказа употреблено и сложное предложение: *Я был счастлив. И казалось мне, этим ощущением счастья было заполнено всё вокруг нас* [2, 12].

И только две конструкции, где использованы лексические средства: *А возможно ли было сохранить снежинку на многие-многие лета и зимы?! Навсегда?! Навечно?!* [2, 12] и *Возможно ли такое?!* [2, 14] Но и здесь в обоих случаях вопросительная форма и частица *ли* опять же указывают на неуверенность автора, его сомнения. Уверен автор только в тех действиях, которые ему вспоминаются: *Помню Твои слова. Помню Твои глаза. Помню Твои волосы. Помню Твои губы. Я помню...* [2, 14] и в том, что ради сильной любви, ради воспоминаний об этом всеохватном, но не состоявшемся чувстве, ради этих эмоций: *Ради этого стоило жить* [2, 18].

Во втором рассказе «Моя княжна» с таким же подзаголовком *Осенняя грусть* находим 8 модальных слов в функции вводных со значением *неуверенности*: *возможно* (5 раз), *может*, *может быть*, *кажется* и 3 раза употреблено слово *конечно*.

Интересно отметить, что уверенность (слово *конечно*) относится либо к реалиям объективной жизни: *В горах хозяин дома показывал нам свои владения. И пастбища, и корали, и*

сборные пункты, и, конечно, олени стада [2, 23], либо к главной героине, её деятельности: *Сейчас, конечно же, больше всех доставалось Тебе как единственному переводчику* [2, 25]. И опять же неуверенность, маловероятность, сомнения относятся к чувствам и эмоциям самого автора: слово *может* и *может быть* – только по отношению к себе: *Я слушал Тебя. Может быть, в это мгновение я позабыл о том, что ты... Потом в паузу* [2, 26]; слово *возможно* 2 раза к себе: *Возможно, в этот миг я и в самом деле выглядел сущим младенцем* [2, 22] и 3 раз к главной героине: *Я молча впитывал в себя ореховую печаль Твоих широко распахнутых очей. В их томной глубине всегда гнездилась затаённая печаль, о которой, возможно, Ты и сама не подозревала* [2, 22]; *Возможно, в прошлом веке Твои прабабушки с такой же грацией выходили на бал...*; *Возможно, и Ты вместе с осенью таяла на своём печальном Севере...* [2, 31].

Наиболее показательным является заглавный рассказ сборника «Река-в-Январе», один из наиболее характерных и объёмных как по содержанию, так и по языковым средствам. Здесь наблюдается большее разнообразие употребления модальных слов, выражающих значение персуазивности. Из общего количества вводных слов (их 54 в тексте) интересующие нас компоненты составляют 39 единиц, т.е. 72%. Это уже свидетельствует о том, что данное явление языка представляет собой необходимый компонент рассматриваемого текста в целом.

Причём, слова, выражающие значение уверенности составляют 8 разных единиц, употреблённых: 1) слово *возможно* – 6 раз, 2) слово *наверное* – 4 раза, 3) *казалось* – 3 раза, 4) *видно* – 3 раза, 5) *может* – 3 раза, 6) по 1 разу слова *по-видимому*, *вероятно*, *может быть*, *похоже*, *пожалуй* – всего 24 единицы (примерно 44% от общего количества вводных слов и 61,5% от вводных слов с модальным значением персуазивности) и слова выражающие значение уверенности, определённой доли вероятности: 1) слово *конечно* – 5 раз и один раз в роли нечленного предложения, 2) *правда* – 3 раза, 3) *очевидно* – 2 раза, 4) *разумеется* – 2 раза и 1 раз слово *и вправду* и *несомненно* – всего 14 единиц или примерно 36% модальных слов со значением персуазивности или эпистемической перспективы – оценки вероятности и уверенности – неуверенности в сообщаемом.

Общий анализ текста позволяет сделать вывод о том, что уверенность выражается автором, как уже отмечалось выше, при описании конкретных жизненных реалий, явлений природы: *Лето, правда, короткое, но такое же жаркое, как в Рио* [2, 105]; *Трущобы, конечно, были расположены не на пляжной зоне океана, а вдали от берега* [2, 116]; *На самбодроме под барабанный бой вся Бразилия двое суток подряд поёт и танцует самбу. Разумеется, вместе с многочисленными гостями-туристами* [2, 109]. Модальность уверенности и высокой степени вероятности может быть представлена в случае описания своих действий и поступков (как правило, в пролом): *Первой, конечно, я заметил Селесте* [2, 116]. Однако таких примеров очень не много, О себе автор всё-таки пишет с большой степенью неуверенности, даже если сначала и выразил уверенность – примечательный пример: *Правда, в последние дни, возможно, я стал немного рассеянным* [2, 112] – в целом уверенность во времени (в последние дни), но высокая доля вероятности и неуверенности в своём состоянии (стал немного рассеянным) – в рамках одного простого предложения употреблены модальные водные слова с противоположным значением. Очень показательный штрих индивидуального авторского стиля.

Следует учесть, что вводные слова могут относиться как к высказыванию в целом, так и к отдельным его частям. В рассматриваемом тексте вводные модальные слова чаще относятся к высказываемому в целом: *Возможно, свет усиливался и от её светлых одеяний* [2, 103]; *И вправду, каждая буквочка её письма дышала счастьем* [2, 123] (заключительная фраза рассказа) – в этом случае вводное слово находится непосредственно в самом начале предложения или – реже – в первых словах. Таких конструкций, как мы отметили, большинство, примерно 80% процентов. Вводных слов, которые относятся к какой-либо части предложения (высказывания) гораздо меньше (соответственно 20%): *Я смотрел на океан. Поразительно, никогда не устаёшь смотреть на живую бегущую воду. Особенно в океане или в море. Но и в реке, конечно* [2, 101]. При этом они находятся, как правило, в конце предложения или, что часто встречается, в присоединительных конструкциях: *Крыши крыты отчасти шифером, отчасти чем-то ещё. Может, фанерой. Может, картоном или рубероидом* [2, 116].

Вообще парцелированные конструкции достаточно показательны для синтаксиса рассказа: *Где же живут шестьсот тысяч жителей города, столицы провинции Альберта, до сих пор для меня остаётся загадкой? Очевидно, в прериях, в небольших домиках по всей округе Эдмонтона?* [2, 102].

Примерно такую же соотносённость можно наблюдать и в употреблении синтаксических конструкций: большая часть – это простые осложнённые предложения: *Может быть, её завораживала и немного пугала южная ночь* [2, 111] (помимо вводного слова, в предложении употреблены однородные сказуемые); Простые конструкции встречаются довольно редко (можно отметить единичные случаи): *Возможно, тёплый климат и «парная Атлантика» повышают тонус* [2, 121]; *Пожалуй, это мне больше нравится* [2, 121] (последний пример из речи персонажа). Отметим, что в учебной практике подобного типа предложения относятся к простым, осложнённым вводными словами.

Такое же не частое употребление встречается и в целом в сложном предложении: *Очевидно, большой потребности в закрытых стенах не было, поскольку, как меня уверяли, зимняя температура здесь плюс двадцать, а летняя – до плюс тридцати* [2, 116].

Можно привести случаи употребления рассматриваемых компонентов в сложных синтаксических целых (или сверхфразовых единствах), когда сочетаются и сложные и простые осложнённые самыми разными формами конструкции: *Тут я вспомнил, как прошлым летом в наш зимний дом навевывалась медвежья семья. Медведица с двумя малышами. Они все очень любопытные. Малыши залезли на крыши и повредили покрытые кровли. А потом, видно, заглянули в окно – и там увидели своё отражение. И, вероятно, предположив, что кто-то там, внутри, дразнит их, бухнули лапами по своим двойникам и разбили стекло. Вот такие озорники попадают. О медведях можно рассказывать бесконечно долго* [2, 107].

То же самое в диалогических единствах:

Нам принесли вторые блюда. И мы на время замолчали. Когда уже перешли к кофе, Селесте спросила:

– *А шаманы у вас есть?*

– *Конечно, есть.*

– *Расскажите про них.*

– *Это небезопасно. Я побаиваюсь этой темы.*

- Почему?
  - *Вот что-нибудь подумаю или скажу – потом это вдруг сбудется. Наверное, случайно...*
  - *Такое у вас уже бывало?*
  - *Да. Но не всегда. Может, через два-три раза. Может, больше.*
  - *Тогда не будем про это говорить, – согласилась девушка.*
- Зазвучала тихая музыка [2, 107].*

Обсуждение и заключение

Итак, проведённый лингвистический анализ с элементами компонентного и статистического методов позволяют сделать следующие выводы.

1. Категория персуазивности, или эпистемическая оценка выражается на самых разных уровнях языка. Однако наиболее показательными являются синтаксические средства – **вводные слова**, представленные в большей части **модальными словами** с значениями **уверенности** – **неуверенности** в сообщаемом.

2. Модальные слова со значением персуазивности – достаточно употребительное и распространённое явление в художественном тексте. Рассмотренные нами рассказы из сборника Е. Д. Айпина «Река-в-Январе» являются ярким доказательством этого положения. Пронзительные, очень личные, даже интимные эмоции, чувства, переживания, размышления, воспоми-

нания выражаются сложными и осложнёнными конструкциями с языковыми средствами, которые очень важны для передачи этих эмоций. **Уверенность** в реалиях окружающей жизни, реальности своих воспоминаний, поступков и действий сочетается с **неуверенностью**, **большой степенью вероятности** тех чувств, которые обуревают автора или его лирического героя сейчас, в момент воспоминаний, и тогда, во время описываемых вспоминаемых событий. Глубоко личное и затаённое – часть постоянно сомневающейся, мятущейся души глубокой личности Человека с большой буквы. Уверенность только в том, что ради описанных чувств, пережитых эмоций однозначно стоит жить. **Может**, **смысл жизни человека** именно в этом?

3. Вводные слова с соответствующей модальностью, таким образом, – это **необходимый элемент рассматриваемых текстов**. Именно они создают ту симфонию чувств и сомнений, которые передают общее настроение каждого рассказа и эссе. Важно отметить, что основную часть вводных составляют слова с модальной оценкой вероятности (персуазивности): до 80% от общего употребления, из них примерно 60% – это вводные слова с модальным значением неуверенности. Наиболее распространёнными являются слова **возможно**, **может**, **наверное**, а из слов со значением уверенности – **правда** и **конечно**. Другие типы вводных слов встречаются чаще в рассказах повествовательного типа.

Список источников и литературы

1. Агакишиева У. Д. Лексические черты идиостиля Е. Д. Айпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. Ч. 3. С. 72–75.
2. Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. 208 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
4. Долбик Е. Е. Модусная категория персуазивности в публицистическом тексте. URL: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/216933.pdf> (дата обращения: 10.07.2019).
5. Долженко Н. Г. Русское предложение с девербативным оборотом. Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2016. 351 с.
6. Долженко Н. Г. Современный русский язык: синтаксис простого предложения. Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2018. 206 с.
7. Косинцева Е. В. Парижский текст в творчестве Е. Д. Айпина // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 36–45.
8. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 384 с.
9. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Азбукович, 2002. 928 с.
10. Chomsky N. Studies on semantics in generative grammar. The Hague – Paris, 1974. 130 p.
11. Fillmore Charles J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. С. 1–88.
12. Fillmore Charles J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. С. 111–137.

13. Katz J. J., Fodor J. A. The structure of a semantic theory // *Language*. 1963. Vol. 6. № 2. P. 170-210.
14. Katz J. J., Postal P. M. *An integrated theory of linguistic descriptions*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1965. 178 p.

References

1. Agakishieva U. D. *Leksicheskie cherty idiostilja E. D. Ajpina* [Lexical features of idiostyle of Ye. D. Aipin]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2016, no. 12 (3), pp. 72–75. (In Russian)
2. Aipin E. D. *Reka-v-Janvare. Sbornik rasskazov* [River-in-January. Storybook]. Saint-Petersburg: MIRALL Publ., 2007. 208 p. (In Russian)
3. Balli Ch. *Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow: Izd-vo inostr. lit. Publ., 1955. 416 p. (In Russian)
4. Dolbik E. E. *Modusnaja kategorija persuzivnosti v publicisticheskom tekste* [Modus category of persuasiveness in a journalistic text]. Available at: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/216933.pdf> (accessed July 10, 2019). (In Russian)
5. Dolzhenko N. G. *Russkoe predlozhenie s deverbativnym oborotom* [Russian sentence with deverbative turn]. Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing RU Publ., 2016. 351 p. (In Russian)
6. Dolzhenko N. G. *Sovremennyj russkij jazyk: sintaksis prostogo predlozhenija* [Modern Russian language: the syntax of the simple sentence]. Khanty-Mansiysk: UgraSU Publ., 2018. 206 p. (In Russian)
7. Kosintseva E. V. *Parizskij tekst v tvorchestve A. D. Ajpina* [The Paris text in the works by Ye. D. Aipin]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 2 (25), pp. 36–45. (In Russian)
8. Plungyan V. A. *Obshhaja morfologija: Vvedenie v prblematiku* [General morphology: Introduction to problematics]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2012. 384 p. (In Russian)
9. *Sovremennyj russkij jazyk* [Modern Russian language]. Ed. by V. A. Beloshapkova. Moscow: Azbukovnik Publ., 2002. 928 p. (In Russian)
10. Chomsky N. *Studies on semantics in generative grammar*. The Hague – Paris: Mouton, 1974. 130 p. (In English)
11. Fillmore Charles J. The Case for Cas. *Universals in Linguistic Theory*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. pp. 1–88. (In English)
12. Fillmore Charles J. Frame semantics. *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. pp. 111–137. (In English)
13. Katz J. J., Fodor J. A. The structure of a semantic theory. *Language*, 1963, no. 6 (2), pp. 170–210. (In English)
14. Katz J. J., Postal P. M. *An integrated theory of linguistic descriptions*. Cambridge, Mass: Mouton, 1965. 178 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Долженко Наталия Григорьевна, профессор ФГ БОУ ВО «Югорский государственный университет» (628012, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16), доктор филологических наук.

dng25101961@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4147-2595

ABOUT THE AUTHOR:

Dolzhenko Nataliya Grigoryevna, Professor of Yugra State University (628012, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhova st., 16), Doctor of Philological Sciences.

dng25101961@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4147-2595